

Сделка с Цин Муцзэ, «Древом Бессмертия», поначалу казалась пустяковой, но на деле обернулась морокой. Когда Юй Цинъинь увидел «цель», которую привела та, в душе его поднялось настоящее смятение, словно табун диких лошадей пронёсся по мыслям. И всё же он не жалел, что ввязался в это дело. Сперва им двигало лишь любопытство — хотелось узнать, что связывает его с Яо Е, — но теперь он был искренне благодарен ей за это предложение.

Получив согласие, Цин Муцзэ привела в Горы Цишань маленькую облезлую лисицу с серо-белой шкуркой. Самой ей нужно было срочно вернуться в Пустошь Куньлунь для расследования важных дел, а потому зверьку пришлось добираться до Юй Цинъиня в одиночку. Она, не имея возможности лично приглядывать за этим маленьким проказником, сильно тревожилась и перед уходом несколько раз строго наказала ему не ввязываться в неприятности.

Попрощавшись с наставницей, лис — не без грусти и жалобных стонов — сверился с нарисованной картой. Закинув за спину крошечный узелок, он двинулся к павильону Юйсюань шаткой, неуверенной походкой, на ходу ворча:

— Что ещё за дыра этот Юйсюань? И почему его так чертовски трудно найти?

Именно эту комичную сцену застал Вэйян, только что вернувшийся в павильон.

Щуплый зверек, ничуть не похожий статью на своих лесных собратьев, прикрывался картой, заслоняя себе обзор, и медленно перебирал пушистыми задними лапами по выложенной гравием дорожке. Вэйян долго и пристально наблюдал за гостем, но тот даже не заметил слежки. Более того, лис преспокойно прошествовал прямо мимо ног Вэйяна, не удостоив его и взглядом.

— О, Вэйян, ты только вернулся? Неужели путь до Божественного владыки Лингуана занял столько времени?

Юй Цинъинь, облачённый лишь в нижние одежды, с растрёпанными волосами и совершенно не заботясь о приличиях, лениво прислонился к дверному косяку. Вздохнув, Вэйян подумал: без его присмотра Глава павильона окончательно превратился бы в дикаря.

— Вы всё ещё восстанавливаетесь после ран, — укоризненно заметил слуга. — Негоже подниматься с постели, даже не сменив платья.

Юй Цинъинь, для которого подобные нравоучения давно стали привычным фоном, лишь небрежно отмахнулся.

— Понимаю, понимаю... Ой, а это что за зверушка? Наш сегодняшний ужин?

Услышав слово «ужин», лис, стоявший на задних лапах, мгновенно ошетинился.

— Сам ты ужин! — выкрикнул он, смешно размахивая передними лапами, отчего карта отлетела в сторону.

Вэйян наклонился, поднял листок и внимательно изучил его.

— Глава, этот гость к вам, — сказал он, подходя ближе и протягивая карту хозяину.

— А, так ты и есть та самая лисица-соблазнительница, о которой говорила Цин Муцзэ?

— Сам ты соблазнительница! Вся твоя родня — лисье отродье!

Малыш окончательно впал в неистовство. Не будь он таким коротышкой, наверняка вцепился бы когтями в лицо Юй Цинъиня. Тот лишь лениво зевнул и вернул бумагу Вэйяну.

— Так это не дичь? А я-то обрадовался. Вэйян, приготовь нашему гостю конуру.

Вэйян похолодел.

«Вы же феникс! Разве вы не должны питаться чистой росой и бамбуковыми семенами?»

— Сам ты пёс! И вся твоя семья — псы! — Лис так разошёлся, что шёрстка на нём встала дыбом.

Юй Цинъинь весело прыснул:

— А он забавный. Может, оставить его как домашнего питомца?

Вэйяну было не до шуток. Фениксы — птицы, и с четвероногими тварями у них искони отношения не ладились.

— Как тебя звать? — Юй Цинъинь присел перед лисой на корточки, лукаво улыбаясь.

— Хм! Разве прилично спрашивать чужое имя, не назвав своего?

— Ладно, ладно. Перед тобой Юй Цинъинь. А как мне величать многоуважаемого гостя?

Лис скрестил передние лапы на груди и высокомерно отвернулся, не желая продолжать беседу. Юй Цинъинь лишь понимающе кивнул: гость был ещё совсем юн, а разум его явно не отличался зрелостью.

— О, великий господин, каюсь — я был неправ. Могли ли я просить вас явить свой истинный облик?

— Яо Ланьмэй! — буркнул зверёк.

Раздался негромкий хлопок, и из облака белого дыма появилась юная дева. Одета в простую холщовую юбку и желтоватую кофту, с волосами, уложенными в два аккуратных пучка, она стояла, подбоченясь. Её круглое личико покраснело от гнева, а щёки забавно раздулись.

— Я превратилась только потому, что мне надоело смотреть на тебя снизу вверх! И вовсе не потому, что ты об этом просил!

Юй Циньинь не смог сдержать смеха. Кто бы мог подумать, что эта «лисица-соблазнительница» окажется такой очаровательной малышкой! Знай он об этом раньше, не стал бы отсылать Нехуана — вот бы у того появилась подружка для игр. Он во все глаза рассматривал Ланьмэй, а затем не удержался и коснулся её щеки. Кожа была нежной, словно подтаявший снег, — истинная прелесть юных лет.

— Ах ты, бабник! Что ты творишь?!

Этот праведный гнев лишь подзадорил его.

— Так ты пришла ко мне, верно?

При виде её лица, до странности знакомого, и при звуке её имени в сердце Юй Циньиня что-то шевельнулось, пробуждая забытые струны.

— Цин Муцзэ сказала, ты поможешь... Кстати! — Она вдруг осеклась. — Ты вообще кто? И почему от тебя пахнет моей старшей сестрой Яо Е... Э-э, то есть братом... Или сестрой...

Юй Циньинь с интересом наблюдал за ней. Не знать, брат тебе Яо Е или сестра? Какая вопиющая неосведомлённость. Стоящий рядом Вэйян тоже не выдержал и негромко рассмеялся.

— Не смотрите на меня так! — возмутилась Яо Ланьмэй, заметив их издевательские взгляды. — Неужели вы не знали, что в нашем роду девятихвостые небесные лисы — двуполы и могут по желанию менять облик?

Об этом Юй Циньинь, конечно, слышал — как-никак, девятихвостые лисы были древними духовными зверями.

— Мой братец вечно менял облик туда-сюда, я сама запуталась, как его называть, — Ланьмэй

задумчиво закатила глаза. — Но однажды он явился в мужском обличье и сказал, что встретил любовь всей своей жизни. Думаю, теперь он навсегда останется мужчиной.

Она подошла ближе и принялась принюхиваться к Юй Цинъюню.

— От тебя точно пахнет братом.

— Запах? Девятихвостого лиса? — Цинъюнь приподнял руку, пытаясь уловить хоть что-то. — Разве?

— Точно! — Ланьмэй была непоколебима. Из-за малого роста ей пришлось встать на цыпочки, чтобы дотянуться до рукава. Она почти уткнулась носом в Юй Цинъюня, жадно вдыхая воздух. — Да от тебя так и разит его блудливым духом!

Тут уж Вэйян расхохотался в голос.

Сам же Глава павильона ничуть не обиделся. Грубость девчонки занимала его куда меньше, чем «добыча», сама идущая в руки. Глядя на её алые, нежные губы, он решил, что было бы преступлением упустить такой момент. Он коварно улыбнулся и, подавшись вперёд, накрыл её рот поцелуем.

Смех Вэйяна мгновенно оборвался. Его господин действительно не делал различий между полами.

Яо Ланьмэй застыла, словно поражённая заклятием обездвиживания. Она даже не шелохнулась, когда руки Юй Цинъюня сомкнулись на её талии, он поцеловал её сначала в губы, а затем в лоб.

«До чего же она похожа на него...»

Юй Цинъюнь всё ещё пытался разобраться в странном чувстве, что пробудило в нём имя Яо Е. Это явно был кто-то особенный.

Ланьмэй по-прежнему пребывала в прострации.

— Эй, глупышка, неужто это был твой первый раз? — Юй Цинъюнь легонько щелкнул её по лбу.

Девушка пришла в себя, и в следующее мгновение бамбуковые рощи Гор Цишань огласил её истошный крик.

Этот поцелуй стал началом запутанного узла симпатий, лишний раз подтвердив, что личная

жизнь Юй Цинъиня никогда не будет простой. Вэйяну стоило немалых трудов успокоить ребёнка: пришлось и кормить, и поить, и осыпать ласковыми словами. В конце концов, вдоволь нашумевшись, Ланьмэй уснула на первой же подвернувшейся кровати.

Вэйян утёр пот со лба и с явным неодобрением взглянул на господина:

— Глава, ей нет и пятисот лет. Она даже Преодоление невзгод ещё не прошла.

Юй Цинъинь, неспешно прихлебывая чай, лишь весело прищурился:

— И что?

Вэйян едва не ляпнул: «Вы что, уже и на детей свои лапы накладываете?!», но вовремя осекся и сменил тему:

— Так она останется в павильоне?

— У меня сделка, — Юй Цинъинь нахмурился, вспоминая слова Цин Муцзэ. — Я должен за ней приглядывать.

Яо Ланьмэй была сестрой Яо Е, а значит, через неё можно было подобраться к нему самому. Таковую ниточку нельзя выпускать из рук.

Вэйян поправил одеяло спящей гостьи и, глядя в пустоту, внезапно обронил:

— Значит, молодой господин Му... он мертв?

Юй Цинъинь вскинул голову, он посмотрел на него с подозрением:

— Откуда тебе это известно?

— Я... я случайно услышал это от Его Величества Ли Е.

Цинъинь задумался. Симин действительно обращался к Ли Е за помощью в организации перерождения Му Сибая, так что Вэйян, живший в городе Фэнду, вполне мог что-то прознать. Решив, что это логично, Глава павильона не стал допытываться, а тот тем временем едва не задохнулся от страха, осознав, какую оплошность совершил.

С появлением Яо Ланьмэй дни Юй Цинъиня потекли по-прежнему — он залечивал раны и умирал плотские порывы. Стол был заставлен лакомствами, но отведать их в полной мере не удавалось, что изрядно его томило. Жизнь с Ланьмэй больше напоминала няньченье с

ребёнком: едва отослал Нехуана, как на его место прибыла лисья егоза.

Впрочем, Юй Цинъинь прекрасно понимал: наступает время важных перемен. События сплетались в тугой узел, и ему стоило быть предельно осторожным, чтобы не угодить в очередную смертельную ловушку.

Прошло ещё несколько дней. Звёздный Владыка Симин Синцзюнь, выкроив свободную минуту в череде бесконечных дел, ворвался в павильон Юйсюань. Не успев даже присесть, он схватил со стола чашку и в один глоток осушил её.

Юй Цинъинь, сидевший рядом, закинув ногу на ногу, окинул его долгим взглядом и невозмутимо произнёс:

— Знаешь, Симин, я тут подумал... Я постараюсь стать добродетельным отцом-супругом.

Симин поперхнулся и фонтаном выплюнул чай прямо перед собой.

На стене напротив висел свиток — пейзаж кисти прославленного мастера Чжань Цзыцяня «Весенняя прогулка», изображавший нежное цветение персиков и абрикосов. Эту бесценную вещь Юй Цинъинь когда-то прихватил из мира смертных, из поместья Су. Теперь же шедевр, окропленный «божественной влагой» (а попросту — слюнями небожителя), заиграл новыми красками.

Симин утёр рот и уставился на друга с нескрываемым ужасом и отвращением.

«У этой шальной птицы опять не все дома?!»

Симин поставил чашку и, косясь на испорченное сокровище, осторожно коснулся лба Юй Цинъиня.

— У тебя жар? Не пугай меня так, моё сердце этого не вынесет.

В голосе Симина звучала непритворная тревога.

— Твоё беспокойство мне ни к чему, — сокрушённо вздохнул Цинъинь, указывая на стену. — Лучше верни мне мою картину.

Симин помрачнел. Этот хитрец никогда не упускал своей выгоды. Хоть они и были дружны, но вечно пререкались по пустякам, не желая уступить ни в чём.

— Ладно, ладно! — сдался Симин. — Утащу для тебя из поместья Эрлан Чжэньцзюня свиток

«Фея реки Ло», идёт?

<http://bllate.org/book/17464/1696803>